

Моральное оправданіе войны.

Милостивые Государи!

Вотъ уже годъ, какъ Россія изо дня въ день живетъ извѣстіями о войнѣ, нервно ждетъ и жадно читаетъ телеграммы съ Дальняго Востока, шлетъ туда полки за полками, корабли за кораблями. На японскую войну потрачены миллиарды; десятки, если не сотни тысячъ труповъ устлали скаты сопокъ и залили кровью поля Манчжуріи; сгинула безъ остатка первая Тихоокеанская эскадра; отошелъ Дальній; палъ послѣ XI-ти мѣсячной осады Артуръ. «Лишенный боевыхъ снарядовъ, измученный голодомъ, больной, истощившій все свои силы, нервно потрясенный на всю остальную жизнь, Портъ-Артурскій гарнизонъ сдался». Что еще ждетъ насъ впереди? О какихъ ужасахъ услышимъ? Какія, писанныя кровью, страницы развернуть дальше время? Говорятъ: «терпѣливый геній Куропаткина выказалъ свою полную силу за шесть мѣсяцевъ оборонительной войны. Теперь онъ, однако, стоитъ предъ значительно болѣе трудной задачей. Что можетъ еще сдѣлать Куропаткинъ, что сдѣлаютъ Рождественскій и II Тихоокеанская эскадра, покажетъ близкое будущее». Очевидно, тамъ,— на этомъ страшномъ Востокѣ сводятся теперь историческіе счеты и предъявляются новые. Японія вводитъ въ мировую жизнь испоконъ вѣка дремавшія силы желтой расы, хочетъ стать твердой ногой на Азіатскомъ материкѣ, объединить подъ своимъ протекторатомъ миллионы китайцевъ, манжуръ, корейцевъ, жителей Тибета, индусовъ, отнять у Россіи выходъ къ океану и все приобрѣтенія послѣдняго столѣтія, и, кто знаетъ?— можетъ быть, собирается

залить въ не столь отдаленномъ будущемъ старый свѣтъ новымъ разливомъ азіатскихъ полчищъ по образцу забытыхъ нашествій Гунскаго, въ эпоху переселенія народовъ и позднѣе—Монгольскаго. Подъ ударами врага руются на дальней окраинѣ наскоро возведенныя русскія твердыни, гибнуть тысячи людей отъ картечи, шимозъ, всевозможныхъ снарядовъ и эпидемическихъ заболѣваній; падаютъ оплоты политическаго могущества великой изъ европейскихъ державъ.

«Все великое земное разлетается, какъ дымъ,

Нынѣ жребій выпалъ Троѣ, завтра выпадетъ другимъ».

Въ происходящей на нашихъ глазахъ, безпримѣрной по храбрости, упорству, хитрости, примѣненію всѣхъ новѣйшихъ средствъ для массоваго истребленія человѣчества, въ этой борьбѣ бѣлаго и желтаго племенъ желающимъ видѣть дальше поверхности дано, однако, открывать и болѣе опредѣленные поучительные выводы. На одномъ изъ такихъ выводовъ я и позволю себѣ остановить ваше, милостивые государи, вниманіе.

Сущность, затрогиваемаго мною, предмета въ слѣдующемъ. Война, какъ явленіе политической жизни, (обычно) обосновывается причинами свойства политическаго. Войны религіозныя имѣютъ свое оправданіе въ томъ, что онѣ предпринимаются съ цѣлью защиты правъ угнетеннаго въ религіозномъ отношеніи народа, какъ напр. это было у насъ въ 1877—1878 годахъ. Войны династическія современная мораль считаетъ «предосудительными, такъ какъ несправедливо, чтобы народъ и государство низводились на степень средствъ для личныхъ интересовъ» (Мартенсенъ. Ученіе о нравственности, стр. 670). Наконецъ, обществу не безызвѣстенъ и крайній взглядъ, проводимый меннонитами, квакерами и графомъ Л. Толстымъ, по которому человѣчество должно немедленно отказаться отъ войны, какъ безусловно-недолжнаго, какими бы настоятельными ни казались иногда въ ней побужденія. Такое разнообразіе сужденій о мотивахъ и законности войны, граничащее съ защитой мнѣній взаимно-противуположныхъ, ошутительно ставитъ вся-

каго мыслящаго человѣка предъ вопросами: что же именно представляетъ война въ послѣдовательномъ развитіи культурнаго процесса,—зло она или благо? Къ чему сводится наличное моральное оправданіе войны; насколько вѣски пробѣлы подобнаго оправданія, и вправѣ ли вообще укладывать войну въ рамки человѣческой морали, хотя бы и высшаго порядка?

Подъ вліяніемъ христіанства, въ противоположность національному эгоизму и праву сильнаго, издавна стали вырабатываться международный законъ, который требуетъ, чтобы взаимное отношеніе между націями опредѣлялось согласно началамъ справедливости и христіанской гуманности. Стремленіе къ образованію международного права проявилось наиболѣе замѣтно со временъ реформаціи. Въ наши дни самымъ конкретнымъ выраженіемъ такого теченія надо признать организованную по мысли и настоянію Государя Императора Николая II-го Гаагскую международную конференцію. Какъ извѣстно, конференція, исходя изъ идеи просвѣтленной и облагороженной христіанствомъ, человѣчности, зоветъ народы земли ко всеобщему миру, стремится ввести этотъ призывъ въ сознаніе, какъ реальную задачу, и настойчиво требуетъ хотя частичнаго ея осуществленія, вродѣ устраненія ненужныхъ войнъ, жестокостей, варварства и т. д., словомъ всего того, чѣмъ войны, обычно, сопровождаются. Тѣмъ не менѣе—не смотря на живучесть теченія въ пользу мира народовъ,—исторія христіанства до настоящаго времени показываетъ непрерывной рядъ правовыхъ нарушеній, которыя одинъ народъ совершаетъ противъ другого. Постоянно среди христіанскаго міра слышатся «вѣсти о войнахъ»; то тамъ, то здѣсь «возстаютъ языкъ на языкъ и царство на царство». Такимъ образомъ, истинный смыслъ теченія въ пользу мира народовъ сводится къ тому лишь, что конкретныя проявленія его служатъ средствомъ для предотвращенія явныхъ насилій съ одной стороны, а съ другой время отъ времени принуждаютъ къ тому, чего требуетъ общечеловѣческая справед-

ливость. Въ дѣйствительности же всеобщимъ фактомъ, преобладающимъ закономъ міровой жизни остается война. И какъ бы ее ни опредѣляли,—какъ зло ли абсолютное, свидѣтельствующее «о глубокой испорченности человѣческой природы, одно изъ величайшихъ бѣдствій на землѣ», или какъ «зло относительное, скорѣе благодѣтельный симптомъ болѣзни народовъ»—все равно война была и будетъ существеннымъ и неизбѣжнымъ ингредиентомъ въ развитіи общечеловѣческаго культурнаго процесса. Правда, среднее примиряющее воззрѣніе на войну (одно-крайнее: «въ пользу мира» и другое тоже крайнее: «за войну») утверждаетъ, что толковать «о смыслѣ войны безотносительно ко времени по меньшей мѣрѣ странно», и что война «имѣетъ значеніе только историческое, какъ главное, если не единственное средство, которымъ создавались и упрочивались государства». У. В. С. Соловьева въ его «Разговорахъ о войнѣ, прогрессѣ и т. д.» читаются въ этомъ родѣ слѣдующія строки: «великое историческое значеніе войны, какъ главнаго условія при созданіи государства, внѣ вопроса; но самое это дѣло созиданія развѣ не должно считаться заверненнымъ въ существенныхъ чертахъ. А подробности, конечно, могутъ быть улажены и безъ такого героическаго средства, какъ война. Въ древности и въ средніе вѣка, когда міръ европейской культуры былъ лишь островомъ среди океана болѣе или менѣе дикихъ племенъ, военный строй требовался прямо самосохраненіемъ. Было нужно всегда быть на готовѣ къ отраженію какихъ-нибудь орды, устремлявшихся невѣдомо откуда, чтобы потоптать слабые ростки цивилизаціи. Но теперь островами можно назвать только не-европейскіе элементы, а европейская культура стала океаномъ, размывающимъ эти острова. Наши ученые, авантюристы и миссіонеры весь земной шаръ обшарили и ничего грозящаго серьезной опасностью для культурнаго міра не нашли. Дикари весьма успѣшно истребляются и вымираютъ, а воинственные варвары, какъ турки или японцы, *цивилизуются и теряютъ свою воинственность*. Между тѣмъ объединеніе европейскихъ націй въ

общей культурной жизни такъ усилилось, что война между этими націями прямо имѣла бы характеръ междоусобія, во всѣхъ отношеніяхъ непростительнаго при возможности мирнаго улаженія международныхъ споровъ. Рѣшать ихъ войной въ настоящее время было бы также фантастично, какъ прїѣхать изъ Петербурга въ Марсель на парусномъ суднѣ, или въ тарантасѣ.. Значить, *военный періодъ исторіи кончился*... Ни мы, ни наши дѣти большихъ войнъ не увидимъ, а внуки наши и о маленькихъ войнахъ,—гдѣ нибудь въ Азіи или Африкѣ,—также будутъ знать только изъ историческихъ сочиненій» (Второй разгов. стр. 58—59). Это было писано въ 1900 году. Наличный фактъ войны утверждаетъ, однако, другое. Современная русско-японская война, поглотившая такое множество жертвъ, начатая цивилизованными японцами совсѣмъ не по-европейски,—внезапнымъ и тонко, предательски обставленнымъ нападеніемъ на Артуръ, должна быть признана или прямымъ продолженіемъ дѣла созиданія русскаго государства, что, конечно, въ виду приведенныхъ соображеній, суцая нелѣпость, такъ какъ «военный періодъ нашей исторіи кончился»; или эта современная война вовсе не доказываетъ, что японцы, «цивилизуясь, теряютъ свою воинственность», а напротивъ наглядно подтверждаетъ, что теоріи хороши только на бумагѣ, жизнь же идетъ помимо теорій своимъ собственнымъ русломъ. Такимъ образомъ, болѣе правдоподобною представляется гипотеза, по которой государства и народы земли, смѣняющіе другъ друга, имѣютъ подобно организмамъ свое дѣтство, свой расцвѣтъ и свой конецъ, и за весь періодъ этого существованія подчиняются закону войны, какъ таковой нормѣ, которая руководитъ ихъ историческимъ бытіемъ.

Послѣдній доводъ обще-моральнаго оправданія войны таковъ. «Въ войнѣ, говоритъ одинъ современный писатель (Введенскій),—есть элементъ жертвы своей жизнью ради торжества высшихъ началъ. Этотъ элементъ, очевидно, не требуетъ никакого оправданія; жертвовать собой воленъ всякій. Но спра-

шивается дальше: кому же въ сущности нужны эти жертвы и кто ихъ требуетъ и принимаетъ?—Ихъ требуетъ и принимаетъ то ненасытное и вѣчно алчущее царство зла, которое есть несомнѣнный ингредиентъ наличнаго міроустройства: зло періодически какъ бы насыщается жертвами войны и, лишь подъ этимъ условіемъ, въ непосредственно слѣдующіе за войнами періоды предоставляетъ человѣчеству наслаждаться благами мира». Если освободить мысль автора отъ ораторскихъ побрововъ, то станетъ яснымъ, что жертвы войны составляютъ сѣмя будущаго расцвѣта народныхъ силъ, залогъ національнаго обновленія. Онѣ пробуждаютъ дремлющій патріотизмъ; онѣ укрѣпляютъ въ государствѣ сознание народной чести, зовутъ гражданъ отъ мелочныхъ интересовъ и меркантильности къ жертвамъ, приводятъ отъ разслабляющихъ удовольствій, робости, трусливости и уступчивости къ самоотверженному служенію на пользу общему дѣлу; въ иныхъ эти жертвы укрѣпляютъ убѣжденіе, какъ ничтожны человѣческія дѣла и расчеты; другихъ учатъ вѣрить, что есть на свѣтѣ Богъ, посредствомъ войны осуществляющій Свои предначертанія.

«Еще дымятся остатки погребеннаго Артура,—говорилъ на дняхъ въ Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ одинъ духовный ораторъ (Преосвященный Антонинъ),—а Золотая гора его, гдѣ развѣвалось наше знамя креста, отнынѣ—памятникъ, на которомъ перстъ Божій написалъ прегрѣшеніе однихъ и мученичество другихъ... Львами поднимались наши отцы и братья, страдальцы за родину, противъ врага; но у нихъ слабосильны были зубы и когти для обороны и они стали овцами, обреченными на закланіе... Предъ лицомъ вселенной мы явились съ дѣлами своими... *Пятьдесятъ лѣтъ назадъ бичъ Божій ударилъ на насъ съ моря, чтобы растаяли наши сердца, и страна свергла оковы тѣлеснаго рабства. Отъ моря пришелъ гнѣвъ Божій и нынѣ затѣмъ, чтобы разсыпался пережитокъ тѣхъ дней—порабощенность духа*»... «Потому и насытилась земля кровью братьевъ нашихъ и обагрилось море, а небо закрылось пеленой нашего позора»...

Избитое положеніе, что разумъ и мораль часто стоятъ въ дисгармоніи и даже по одному и тому же вопросу утверждаютъ діаметрально—противоположное. Въ виду этого представляетъ не малый интересъ, какъ люди брѣвгіе разсудкомъ оправдываютъ въ моральномъ отношеніи фактъ войны и стараются примирить его съ требованіями разума. Для образца изложимъ взгляды на войну Фихте и Вундта.

Первый находитъ, что націи берутся за оружіе съ цѣлью самозащиты лишь въ такіе моменты исторической жизни, когда привязанность къ земному разрастается въ нихъ до размѣровъ, грозящихъ ихъ дальнѣйшему культурному развитію. Въ эти моменты, въ людяхъ, пронибнутыхъ любовью къ родинѣ, оживаетъ сознаніе, что лучше погибнуть за нее, чѣмъ уступить врагу, поработиться, такъ какъ подобное порабощеніе было бы равносильно политической смерти. Истинный защитникъ отечества силенъ слѣдовательно не столько орудіемъ, сколько своимъ воодушевленіемъ, энтузіазмомъ, готовностью отдать себя въ жертву за общее дѣло, для общаго блага. Поэтому, и признаніе его и фактическое участіе въ военныхъ операціяхъ не только не предосудительны, а напротивъ почетны и нравственно-высоки: защищая родную страну онъ и самъ идетъ и другихъ своимъ примѣромъ побуждаетъ идти «къ цѣлямъ идеальнымъ, къ духовно-закономѣрному возрастанію».

По словамъ Вундта, «идея о вѣчномъ мирѣ относится къ войнѣ исключительно со старинной точки зрѣнія, по которой война является голымъ актомъ насилія, основывающимся на абсолютной невмѣняемости автономнаго государства. По отношенію къ этому взгляду требованіе вѣчнаго мира несомнѣнно справедливо. Войны, которымъ присущъ такой характеръ, должны несомнѣнно исчезнуть. Но весьма сомнительно,—продолжаетъ Вундтъ,—чтобы исчезли когда-нибудь войны, возникающія изъ противоположности непримиримыхъ юридическихъ взглядовъ, или изъ неразрѣшимаго столкновенія политическихъ интересовъ, требующихъ для своего улаженія новыхъ правовыхъ нормъ.

Разумѣется, и здѣсь могутъ быть разрѣшены мирнымъ путемъ нѣкоторыя разногласія при помощи тѣхъ же средствъ, которыя задерживаютъ насильственные войны. Но въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ эти мѣры окажутся недѣйствительными, война будетъ неизбежна до тѣхъ поръ, пока не будетъ учреждено достаточно могущественное всемірное судилище, что, однако, мало вѣроятно». (Этика, ч. 3, стр. 245. С. Пет. 1887 г.).

И такъ въ сознаніи обоихъ мыслителей фактъ войны имѣтъ силу всеобщаго закона міровой жизни. Фихте примиряетъ его съ обще-человѣческой моралью, какъ могущественное воспитательное средство для племенъ и народовъ. Вундтъ оправдываетъ войну, какъ неизбежный ингредиентъ современной правовой организациі государствъ.

Однако довольно! *Audiatur et altera pars!* Чѣмъ краснорѣчивѣе и остроумнѣе приводятся доводы въ пользу моральнаго оправданія войны, тѣмъ отчетливѣе въ моей памяти выступаютъ три картины: «Война»—Штука, «Панихида на полѣ битвы»—Верещагина и его же—«Памятникъ завоевателямъ». Взгляните на первую. Предъ вами огромное, сливающееся съ горизонтомъ, поле, сплошь заваленное трупами убитыхъ. Эти трупы раздѣты; одни вспухли и посинѣли; другіе—сплошная, разлагающаяся язва. Большинство убитыхъ пережило предъ смертью рядъ неописуемыхъ страданій. Вотъ скрученные ноги, закинутыя головы, рѣзко отдѣляющіяся на фонѣ темнаго неба руки. Горизонтъ освѣщенъ кровавымъ отблескомъ пожаровъ, прорывающимся сквозь, угутывающую дали, мглу. По полю, прямо предъ зрителемъ, на измученной, съ высунутымъ языкомъ, клячѣ, которая тяжело передвигаетъ ноги, ступая прямо по трупамъ, давить и топчетъ человѣческія тѣла, медленно ѣдетъ побѣдитель. Это не классическій побѣдитель, какъ его привыкли видѣть, съ знаменами и трубачами,—это скорѣе призракъ, олицетвореніе побѣды. Обнаженная человѣческая фигура, съ двуручнымъ мечемъ на плечѣ, увѣнчанная вѣнкомъ. Лицо страшнаго призрака блѣдно; горять и живутъ одни глаза;

отъ него вѣтъ холодомъ могилы, полнѣйшимъ безстрастіемъ, презрѣніемъ ко всеѣмъ этимъ трупамъ, только что бывшимъ живыми людьми.

Вторая картина слабѣе по замыслу, но за то реальнѣе и подавляетъ зрителя этой реальностью, своей потрясающей простотой. Широкое, широкое поле, одно изъ тѣхъ, на которыхъ находятъ себѣ вѣчный покой русскіе христіанскіе воины. Рядами лежатъ на немъ уснувшіе бойцы, дѣлами ротами, какъ косили ихъ вражеская шрапнель и пулеметы. Сѣрая шинель, бѣлая рубаха далеко, куда хватить глазъ, видны въ травѣ по равнинѣ. А прямо предъ зрителемъ военный священникъ съ церковникомъ служатъ первую общую панихиду. И больше никого, ничего; сѣрое небо да вѣтеръ, качающій стебли ковыля.

Встаньте предъ этой картиной, и вамъ противъ воли послышится: «во блаженномъ успеніи вѣчный покой!»

«Памятникъ завоевателямъ» — пирамида изъ человѣческихъ череповъ. Тысячи, десятки тысячъ череповъ собраны въ эту чудовищную кучу. Высоко вздымается она среди песчаной, залитой солнечнымъ зноемъ, степи. Высушило черепа, какъ камень, зноемъ; выдуло вѣтромъ, — а вѣдь когда то въ нихъ работала мозгъ, въ груди костяка билось сердце; все это были живые, мыслящіе любившіе люди. Увы! Воля судьбы обратила ихъ въ «пушечное мясо»; не нашли они ни могилы, ни креста на родимомъ погостѣ.

Сторонникамъ войны ничто, конечно, не мѣшаетъ считать эти художественныя произведенія болѣзненнымъ кошмаромъ, или выдавать ихъ за проявленіе односторонне-пессимистическаго возрѣнія на войну, которое не находитъ въ ней ничего другаго, кромѣ опустошеній, ужасовъ боеваго поля, сожженныхъ городовъ, истребленныхъ нивъ и разнузданнаго господства сатанинскихъ страстей. Но дѣло въ томъ, что ужасная изнанка войны остается во всей силѣ, какъ бы гуманно сама война ни велась, какими бы краснорѣчивыми ораторскими фразами, вплоть до стиховъ, ни оправдывали ея неизбежность. И съ

этой ужасной изнанкой воюющей націи приходится считаться не только въ періодъ военныхъ операцій, а и много лѣтъ спустя послѣ войны. Присмотримся къ ней (изнанкѣ войны) хотя самымъ конспективнымъ образомъ.

Вотъ объявлена мобилизація. Газеты трубятъ о всеобщемъ подъемѣ патріотическихъ чувствъ, объявляютъ о приливѣ пожертвованій на нужды арміи и флота, агитируютъ въ пользу тѣхъ или другихъ выдающихся дѣятелей. Село и деревня, поставляющія главный контингентъ войскъ, однако чужды этого шума,—онѣ только отдають свои лучшія силы, лишаются работниковъ, кормильцевъ. Не у всѣхъ въ груди каменное сердце и не всѣ пропитаны сознаніемъ и пониманіемъ тяжелаго долга,—и вотъ начинаютъ проскальзывать въ поврежденной печати извѣстія, что тамъ-то и тамъ, во время мобилизаціи произошли массовые беспорядки, тамъ покончилъ съ собой или съ дѣтьми отецъ изъ «запасныхъ», тамъ жены, провожая мужей на войну, бросались подъ поѣздъ, или кляли на рельсы дѣтей. Выплаканные, потухшіе глаза годами будутъ смотрѣть вдаль, поджидая возвращающагося съ войны кормильца, а у кормильцевъ,—если Богъ приведетъ вернуться,—до смерти не перестанутъ ныть простуженныя кости, вскрываться незакрывшіяся раны, и годы пройдутъ, пока вымрутъ бабѣнки, которыхъ наплодила война... Пропустимъ все, что относится къ способамъ передвиженія здоровыхъ войскъ и раненыхъ на протяженіи тысячъ, десятковъ тысячъ верстъ. Предъ нами районъ военныхъ операцій. Эти операціи: бучи мертвыхъ тѣлъ, зловонныя раны, повальные болѣзни, вродѣ чумы, цынги, тифовъ; скопленіе множества грубыхъ и грязныхъ людей, прекращеніе нормальнаго порядка жизни, разрушеніе полезныхъ учрежденій и предпріятій. Прибавьте сюда судьбу мѣстнаго населенія, какъ на примѣръ, въ современной войнѣ корейцевъ, которыхъ одинаково разстрѣливають какъ русскіе, такъ и японцы, погромъ, раззореніе, бѣгство жителей, о чемъ со страхомъ будутъ вспоминать внуки и правнуки теперешняго поколѣнія и т. д., и т. д. Каждая война даетъ странѣ

массу раненыхъ и отнимаетъ взятыхъ въ плѣнъ; современная война дала еще значительный небывалый процентъ помѣшанныхъ, душевно-больныхъ. Утѣшаются культурностью японцевъ. Но при всей своей культурности эти азіаты быстро доходятъ до озвѣренія, до перегрызанія горла врагу, издѣваются надъ ранеными и трупами, прехладнокровнѣйшимъ образомъ разстрѣливаютъ распятыхъ плѣнниковъ, вывѣряя на нихъ точность прицѣла. Надо ли прибавлять сюда для полноты картину мученической жизни осажденнаго Портъ-Артурскаго гарнизона, или картину жизни полумилліонной арміи въ недѣли затишья военныхъ дѣйствій, на 30 градусномъ морозѣ, пронзительномъ вѣтрѣ, въ пещерныхъ городахъ, при недостаткѣ топлива, теплой одежды, провіанта... Самое пылкое воображеніе бессильно возсоздать, описать, даже перечислить все то зло, которое въ совокупности называютъ войной. Надо быть авторомъ извѣстной книги «Исторія тридцатилѣтней войны», чтобы взвѣсить и ярко изобразить его послѣдствія для страны, для народнаго роста культурнаго развитія. И при всемъ томъ въ войнахъ есть еще одинъ элементъ, несравненно болѣе худшій по своимъ результатамъ, чѣмъ варварство, излишнія, но единичныя жестокости, даже истребленіе десятковъ тысячъ людей. Элементъ этотъ,—такъ называемая, «неподготовленность».

Я воздержусь говорить что либо по поводу проявленія этого элемента въ переживаемой войнѣ, хотя разнообразныя симптомы его ни для кого не составляютъ тайны; думается,—въ виду того, что русско-японская война не стала еще достояніемъ исторіи, многія детали ея не выяснены всесторонне, а инныя и совсѣмъ не ясны,—этотъ элементъ выступить болѣе рельефно, если воспользоваться ретроспективной исторической точкой зрѣнія, остановившись, на примѣръ, на Севастопольской войнѣ 1853—1855 г.г. 1853 годъ! Слишкомъ живо помню, это время,—писать современникъ, покойный Херсонскій Архіепископъ Никаноръ,—помню общій, одушевлявшій всѣхъ духъ... Правда, войны не хотѣлось никому. Чувствовалась тупость времени. Но ужъ если

война, то Константинополь—городъ Романова!.. Стиховъ тогда было множество. Осмѣивали Наполеона и Пальмерстона на тему, что Пальмерстонъ-де тычетъ пальцемъ въ карту Россіи и разводитъ черты, какъ ее раздѣлить, кому что взять... А самоувѣренность при вѣсти о пальто и хлыстѣ князя Меншикова, съ которыми онъ дѣлалъ визиты въ Константинополь!.. Потомъ Синопскій разгромъ, иллюминація, хотя и невинная,—начинается-де рядъ обычныхъ побѣдъ... Затѣмъ томительное ожиданіе сраженій и побѣдъ. Ретирада изъ-за Дуная, изъ подъ Силистріи, объясненная вѣроломствомъ Австріи... Битва и пораженіе при Альмѣ, объясненная незначительностью нашихъ войскъ на этомъ пунктѣ, и выставленная скорѣе, какъ стратегическій подвигъ князя Меншикова. Обложеніе непріятелями Севастополя... Ожиданіе побѣдъ было такъ напряженно и увѣренность въ нихъ такъ велика, что вдругъ... вѣсть «французы и англичане свинуты въ море». Оказалось... Солгали. Потомъ битва подъ Инкерманомъ, подъ предводительствомъ Данненберга... Уже въ это время тысячи матерей оплакивали въ Россіи рановременную смерть своихъ сыновей, убитыхъ въ этой кровавой войнѣ, охватившей всѣ окраины Россіи. На всѣхъ пунктахъ мы оказались почти беззащитны. Наступили общія тягости, общій упадокъ духа, страшныя поборы людьми, почти поголовное возстаніе народа, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вслѣдствіе воззванія Святѣйшаго Синода писаннаго преосвященнымъ Кирилломъ... Наконецъ, битва при Черной рѣчкѣ; коалиція Европы; совершенный застой торговли; казнобравство; недостатокъ въ оружіи, въ порохѣ, въ людяхъ не только даровитыхъ, но даже просто честныхъ. Вотъ наша слава, вотъ наша самоувѣренность, наша неподготовленность» (Біографич. матерьялы, т. I, стр. 329—330)... Помню день паденія Севастополя (29 августа) и тогдашніе крики: «регрессъ, регрессъ! Пятимся назадъ! Россія сдѣлала шагъ назадъ! Севастополь взять!» Потомъ оказалось, что эти годы были страшнымъ толчкомъ для Россіи, но не къ регрессу, а къ вихролетному прогрессу»... (Тамъ-же стр. 331).

Итакъ главная мысль приведенной выдержки та, что «неподготовленность» къ войнѣ представляетъ зло неожиданное, устраняемое съ трудомъ и по слѣдствіямъ крайне губительное. Вытекая изъ причинъ большею частью скрытыхъ и сложныхъ, какъ-то: недостатокъ политической дальнорзости, дипломатическія интриги, лицемѣрный патріотизмъ, беспочвенная самоувѣренность и т. п., эта «неподготовленность» обнаруживается въ массѣ мелочей, тормозящихъ успѣхъ военнаго дѣла на каждомъ шагѣ. Здѣсь на примѣръ, не смотря на всѣ увѣренія, оказывается, не сосредоточены въ требуемомъ количествѣ провіантъ и снаряды, тамъ желѣзнодорожные мосты вмѣсто балокъ имѣли карандаши и, обрушившись, прервали правильный притокъ силъ; тутъ нѣтъ подробныхъ и точныхъ картъ мѣстности, гдѣ должны совершиться важныя военныя операціи; забыто во время сдѣлать заказъ новыхъ орудій; тамъ нѣтъ людей, которые умѣли бы обращаться съ усовершенствованными, новѣйшими машинами; на неопредѣленное время, вслѣдствіе аваріи судовъ и непредвидѣнной порчи механизмовъ, отложено участіе въ войнѣ флота и т. д., и т. д. Правда, нѣкоторые изъ этихъ недочетовъ и препятствій можно со временемъ устранить, но врагъ не ждетъ и не дремлетъ, — «неподготовленность» къ войнѣ быстро обращается въ сильное оружіе, ему, а не намъ помогающее. А съ другой стороны, не всякую вѣдь деталь «неподготовленности» и устранить возможно. Какъ на примѣръ снабдить провіантомъ, снарядами и людьми, отрѣзанную съ суши и блокированную съ моря, крѣпость; или какъ обратить боевыя суда устарѣлаго устройства и тихаго хода въ быстроходныя суда новѣйшихъ конструкцій? Результатъ «неподготовленности» ужасенъ: крупныя военныя проигрыши, общій упадокъ духа, тяжкое напряженіе всѣхъ силъ воюющей страны.

Нѣтъ словъ, въ принципѣ всѣ такія соображенія вѣрны. Однако, не всегда же такая «неподготовленность» и бываетъ на лицо; притомъ за «неподготовленность» иногда выдаютъ обычные, во всякомъ дѣлѣ возможные, промахи и ошибки, а еще

чаще утрируютъ, подтасовываютъ факты, искажая ихъ до неузнаваемости.

Изложенной ссылкой на пресловутую «неподготовленность» я ограничиваю перечень доводовъ, обыкновенно высказываемыхъ противъ войны. Моя задача теперь сводится къ тому, чтобы обобщить все предложенное вашему просвѣщенному вниманію, и установить цѣнность моральнаго оправданія войны. Думаю, что этотъ заключительный выводъ можетъ быть принятъ въ слѣдующей редакціи.

1) Война есть всеобщее явленіе, мировой законъ, руководящій реальной жизнью. Разсматриваемая съ точки зрѣнія ученія объ общественной нравственности, война оказывается однимъ изъ величайшихъ золъ и бѣдствій человѣчества. Зло это слѣдуетъ считать неустранимымъ, такъ какъ оно имѣетъ основаніе въ разнородныхъ данныхъ историческаго, психологическаго, обще-антропологическаго и религіознаго характера. Зло это надо признать необходимымъ, потому что оно имѣетъ за себя моральное оправданіе.

2) Моральное оправданіе войны гораздо доказательнѣе и потому сильнѣе, чѣмъ аргументація, которою располагаютъ противники войны, настаивающіе на всеобщемъ разоруженіи и мирѣ народовъ. Послѣдняя (аргументація) исчерпывается соображеніями, дѣйствующими на чувство и воображеніе; ставитъ на видъ практическій, отчасти морально-культурный вредъ, приносимый войной,—и только. Моральное оправданіе войны прежде всего примиряетъ ее съ началами нравственности и права; не отрицая мысли, что война сопровождается разнообразными ужасами, даетъ множество раненыхъ и плѣнныхъ, больныхъ и убитыхъ, оно ослабляетъ остроту этого указанія доводомъ, что на войнѣ же получаютъ широкое примѣненіе начала гуманности, милосердія, беззавѣтной преданности, которыя иначе не имѣли бы мѣста. Въ противовѣсъ соображеніямъ о вредѣ, приносимомъ воймой, моральное оправданіе ея выдвигаетъ рядъ неопровержимыхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о войнѣ, какъ могуще-

ственномъ средствѣ, которое служить цѣлямъ развитія націй въ культурномъ и духовномъ отношеніи. Наконецъ,—и самое главное,—объявляя войну актомъ Высшей воли—воли народа, воли Помазанника Божія, справедливость каковаго акта не можетъ быть предметомъ произвольнаго обслѣдованія и отвѣтственности за который лежитъ на томъ, кто войну объявилъ, моральное оправданіе войны тѣмъ самымъ вводитъ ее въ цѣпь явленій Высшей цѣлесообразности, въ область предначертаній Божественнаго Промысла.

Милостивые Государи! Не знаю, какъ бы вы отвѣтили, если бы вопросъ былъ предложенъ такимъ образомъ: что благодѣтельнѣе для человѣчества, что составляетъ импульсъ духовнаго развитія и культурнаго совершенствованія народовъ,—періодически-ли повторяющіяся войны, или безмятежный непрерывный миръ?—я убѣжденно отвѣчаю на такой вопросъ: война!

Протоіерей **Сергій Петровскій.**